

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА (РОТОВА)

А. К. Галкин

Отпевание А. А. Ахматовой в контексте церковной жизни Ленинграда 1960-х годов

Отпевание А. А. Ахматовой было организовано ее сыном Л. Н. Гумилевым при участии прот. Василия Бутыло. Первоначально предполагалось, что оно состоится в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда. В результате визита Л. Н. Гумилева и о. Василия к викарному епископу Тихвинскому Филарету (Вахромееву) для отпевания был назначен кафедральный Николо-Богоявленский собор. Служил сам настоятель собора прот. Александр Медведский, единственный клирик города, награжденный Патриаршим крестом, с диак. Петром Колосовым. Уполномоченный Совета по делам религий по Ленинграду и области Г. С. Жаринов запретил совершать отпевание с участием нескольких священников, с большим хором и зажженными люстрами. Последние два запрета были нарушены. В статье обсуждается причастность митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима (Ротова) к устройению достойных проводов А. А. Ахматовой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. А. Ахматова, Л. Н. Гумилев, Ленинград, Николо-Богоявленский кафедральный собор, епископ Филарет (Вахромеев), митрополит Никодим (Ротов).

Церковные проводы известного человека — важное событие церковной истории. Любое дело можно осуществить и достойно, и иначе. Отпевание Анны Андреевны Ахматовой происходило в Ленинграде 10 марта 1966 г. С октября 1963 г. Ленинградскую кафедру возглавлял митрополит Никодим (Ротов; 1929–1978), председатель Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) — самой деятельной структуры Московской патриархии 1960-х — 1980-х гг. Он сменил переведенного на Крутицкую кафедру митр. Пимена (Извекова), будущего патриарха, неполные 2 года служения которого в Ленинграде стали для епархии периодом больших потерь (включая закрытие часовни Ксении Блаженной).

Перед митр. Никодимом стояла задача закрепиться на новом «рубеже отступления». Через год после отставки Хрущева ему удалось восстановить утраченную при митр. Пимене штатную должность vicария Ленинградской епархии: 8 октября 1965 г. (на другой день после ставшего последним приезда А. А. Ахматовой в Москву) назначение vicарным епископом Тихвинским получил инспектор Московской духовной академии и семинарии архим. Филарет (Вахромеев; 1935 г. р. — ныне здравствующий почетный экзарх вся Белоруссии). Он имел происхождение из «бывших» — видных ярославских купцов, получивших в 1913 г. дворянство. Отец еп. Филарета Варфоломей Александрович Вахромеев (1904–1984) преподавал в музыкальном училище при Московской консерватории и таким образом не мог не знать пианистку М. В. Юдину, дружившую с А. А. Ахматовой. Как и митрополит, vicарный епископ имел резиденцию в здании Ленинградской духовной академии и семинарии (Обводный кан., 17) — Духовский корпус лавры, переданный Епархиальному управлению в конце 1940-х гг., вновь был изъят в 1961 г.

В Ленинграде митр. Никодим, по меткому замечанию уполномоченного Совета по делам религий Г. С. Жаринова (1918–?; в должности с 1961 по 1987 гг.), бывал «только наездами» [*Жаринов, 213*]: все рабочие дни недели он обычно проводил в Москве, в Отделе, часто выезжал за границу. Текущее руководство епархиальными делами осуществлял vicарный епископ.

В начале 1966 г. митр. Никодим готовился принимать в Москве митрополита Илиопольского и Фирского Мелитона (Хатзиса; 1913–1998) (Константинопольский патриархат): его визит был запланирован на рубеж февраля — марта. В отличие от привычных для ОВЦС «братских контактов» по линии миротворчества и церковного хлебосольтва, это была очень ответственная и деликатная встреча: высокому иерарху-богослову с широким кругозором, настроенному далеко не просоветски, необходимо было продемонстрировать духовный потенциал Русской православной церкви, убедить его в том, что в условиях коммунистического режима она является жизнеспособной и имеющей светлое будущее частью мирового православия.

Но за месяц до приезда митр. Мелитона председатель ОВЦС, ответственный за прием судьбоносного гостя, оказался на волоске от смерти. В Москве, куда митр. Никодим выехал после Крещения (19/6 января), он был госпитализирован с гнойным аппендицитом в Боткинскую больницу. О том, что он начал слу-

жить с незажившей после операции раной, знал очень узкий круг людей [Кирилл (Гундяев), 266–267]. Визит митр. Мелитона прошел успешно. Ему были представлены ученейшие православные мужи Советского Союза — члены Комиссии по разработке тем Всеправославного Предсобора¹, он посетил Московскую духовную академию и даже съездил на один день, в сопровождении митр. Никодима, в Ленинград. В среду 2 марта греческий иерарх возглавил служение Преждеосвященной литургии в Никольском кафедральном соборе, вечером побывал в Ленинградской духовной академии [Филарет, 12–17].

Всю неделю с 6 по 13 марта, после напряженных и ненормированных трудов предшествующих дней, митр. Никодим, насколько можно судить по журналу его резолюций² (из которых 15 имеют дату 7 марта 1966 г.), целиком провел в Ленинграде. В воскресенье 6 марта он литургисал в Троицком соборе в Александро-Невской лавре, вечером служил первую пессию в Николо-Богоявленском кафедральном соборе, в нем же в субботу 12 марта совершил всенощное бдение и вынос креста. Таким образом, в дни прощания с А. А. Ахматовой в Ленинграде находились и правящий архиерей, и его викарий.

Обратимся к последовательности событий последних месяцев жизни А. А. Ахматовой. В июне 1965 г. она побывала в Англии, где ей был вручен диплом почетного доктора Оксфордского университета (годом ранее ее «выпустили» в Италию для получения престижной литературной премии). В сентябре 1965 г. из ссылки был досрочно освобожден Иосиф Бродский (Дзержинский суд г. Ленинграда приговорил его в марте 1964 г. к 5 годам «принудительного труда в отдаленной местности»). 7 октября Анна Андреевна приехала в Москву — через месяц у нее случился инфаркт, «по медицинскому счету третий, по ее собственному — четвертый», и она была госпитализирована в Боткинскую больницу [Чуковская, 320]. Здесь же, только в другом отделении, одновременно с А. А. Ахматовой в конце января 1966 г. находился на излечении и митрополит Никодим. В больнице Анна Андреевна оставалась больше 3-х месяцев: ее выписали только 19 февраля 1966 г., в субботу Сырной седмицы (масленицы). В квартире Ардовых на Большой Ордынке она провела 1-ю неделю Великого поста. Во втор-

1. Биографии членов Комиссии см.: [Митрополит Никодим, 242–271].

2. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43. Л. 20 об.–34 об.

ник на 2-й неделе (1 марта) с ней случился сердечный приступ; в тот же день «достали» путевку в санаторий «Подмосковье» в Домодедове. У пользовавших ее врачей было противоположное мнение о методах лечения: один велел лежать, другой — как можно скорее ехать на воздух [Чуковская, 331]. Утром третьего дня пребывания в санатории у Анны Андреевны остановилось сердце. Кроме 13-й годовщины смерти Сталина, это был день памяти прп. Корнилия Псково-Печерского (20 февраля/5 марта), которого, по преданию, Иван Грозный казнил собственноручно³, и по календарю 1966 г. — суббота 2-й недели поста, первая из установленных для великопостного поминовения усопших Вселенских родительских суббот.

Девятью годами ранее А. А. Ахматова написала:

Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!
(Эпиграмма. 1957 г. Комарово)

Ей довелось скончаться в дни, когда вся страна впервые готовилась к встрече Международного женского дня 8 марта в качестве праздника государственного масштаба. Л. И. Брежнев, свергнувший в октябре 1964 г. Хрущева, через полгода после прихода к власти даровал советскому народу два новых «табельных дня» — 9 мая и 8 марта, причем второй из них вводился в употребление с 1966 г.

Тело А. А. Ахматовой до конца отмечания «дня 8 марта» покоилось в морге московского института им. Склифосовского (Шереметевский Странноприимный дом). Собравшихся проститься с нею 9 марта ожидал отработанный «провокационный трюк». «Сначала людей заставили больше часа толочься в полной неизвестности... Потом вдруг — скорее, скорее! — десятиминутное прощание под непрерывное понукание милицейского и литфондовского начальства» [Оксман, 142], после чего гроб был отправлен самолетом в Ленинград. Л. Н. Гумилев сразу после кончины матери принял решение об ее отпевании.

Для помощи в организации церковных проводов А. А. Ахматовой Л. Н. Гумилев обратился к знакомому священнику о. Василию Бутыло, служившему в Павловском соборе г. Гатчины. Знакомство состоялось, когда Лев Николаевич задумал освятить комна-

3. Молитва прп. Корнилию включает прошение о защите «от навета злых человек, от нихже и сам ты невинно на земли пострадал еси».

ту, в которой жил в коммунальной квартире, и люди указали ему на о. Василия, как на «безотказного» [Бутыло, 307].

Василий Емельянович Бутыло (1926–2012) стал гражданином СССР в 13 лет, с «воссоединением» Западной Белоруссии. Его детство прошло в «буржуазной Польше», в богатом селе с двумя действующими церквями, жители которого не познали ни раскулачивания, ни расцерковления. В 1947 г. он поступил в организованную в тот год в Жировичском монастыре (Барановичской, ныне Гродненской области) Минскую духовную семинарию; в 1956 г. окончил Ленинградскую духовную академию, получив степень кандидата богословия за сочинение «Князь Андрей Курбский и его борьба против унии в Польско-Литовском государстве».

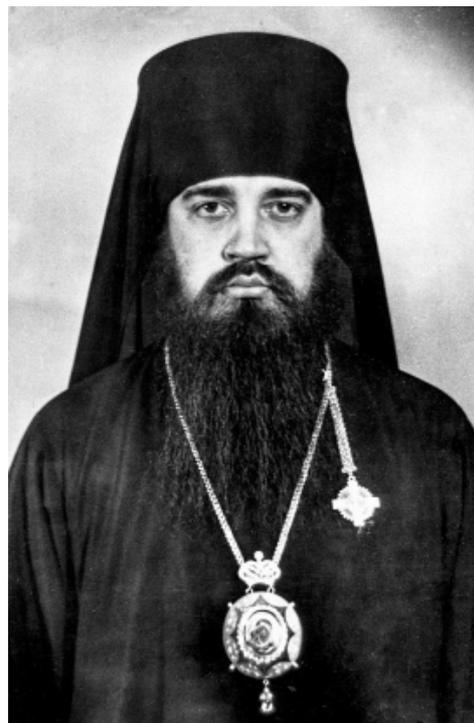
Будучи студентом академии 4 года управлял хором левого клироса ее домового храма. Рукоположен во священника 20 октября 1957 г. в только что освященном Троицком соборе Александро-Невской лавры. В 1958–1960 гг. преподавал церковное пение в Саратовской духовной семинарии, которую в 1960 г. стали готовить к закрытию. С 14 декабря 1960 г. — настоятель Екатерининской церкви в Петрозаводске. Когда через год ему отказали во временной прописке в столице Карелии, вернулся к семье в Ленинград и в течение нескольких месяцев оставался безработным. Чтобы заставить митр. Пимена определить его на вакантное место, потребовалось вмешательство патриарха Алексия I (Симанского), бывшего в 1933–1945 гг. митрополитом Ленинградским (письмо от 4 мая 1962) ⁴: только благодаря ему о. Василий получил 15 июня 1962 г. назначение в штат Павловского собора Гатчины. С Пасхи 1964 г. — протоиерей. 18 декабря 1969 г. переведен в штат Екатерининской церкви в пос. Динамо (бывш. Царская Славянка) ⁵, который находится на самой границе Ленинграда и области, на юго-западном краю Павловска.

Доступ к патриарху о. Василию Бутыло обеспечивал его двоюродный брат и односельчанин, доцент Московской духовной академии Николай Николаевич Ричко (1924–1972), который с 1955 г. по совместительству состоял регентом патриаршей Крестовой церкви в Троице-Сергиевой лавре [Иванов]. Через него о. Василий получил от патриарха Алексия справку с благословением совершать требы в домах прихожан. Власть так ценила лояльность патриарха, что закрывали глаза на его единичные «вольности»,

4. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 397. Л. 80.

5. В своих «Воспоминаниях» [Бутыло, 307] о. Василий называет эту церковь церковью «в Ропши-

но» — вместо «в Антропшино» (ее местоположение иногда определяют по ближайшей железнодорожной станции — Антропшино).

Слева: протоиерей Василий Бутыло.

Справа: епископ Тихвинский Филарет (Вахромеев), викарий Ленинградской епархии.

которые не нарушали писанные советские законы, хотя и противоречили секретным инструкциям.

По свидетельству прот. Василия Бутыло, он предложил Льву Николаевичу «взять разрешение отпеть Анну Андреевну» у епархиальной власти, поскольку знал, что «к нему привязываются все». Вдвоем они отправились «в Лавру» (т. е. в Епархиальное управление в здании духовной семинарии; Обводный кан., 17). Их принял еп. Филарет, который, по свидетельству о. Василия, «благословил именно меня отпевать и опускать в могилу. Даже дал письменное разрешение» [*Бутыло*, 308]⁶. Через своего двоюродного брата о. Василий Бутыло вполне мог познакомиться с Филаретом (Вахромеевым) еще в 1961–1965 гг., когда тот трудился в Московской духовной академии.

Дата этого визита не указана. Очевидно, он состоялся в понедельник 7 марта. В воспоминаниях Л. К. Чуковской есть очень важные строки, датированные 8 марта:

6. Автор называет епископа Филарета «митрополитом Минским и Белорусским» — этот титул он носил в 1978–1989 гг.

9-го... перевезут тело на аэродром и отправят в Ленинград; там, в Спасо-Преображенском соборе (моем!) ⁷, будет отпевание... Похороны в Комарове [Чуковская, 515].

8/III 66 вечер.

Новые вести: в Ленинграде будут отпевать не в Спасо-Преображенском, а в Никол[о]-Морском (Садовая, у Крюкова моста) [Чуковская, 517].

Таким образом, эта запись позволяет сделать принципиально важный вывод: вопрос с кладбищем был решен раньше, чем с местом отпевания.

По логике вещей, Спасо-Преображенский собор, расположенный поблизости от Дома писателей — места проведения гражданской панихиды, вполне подходил для совершения отпевания. Однако уже объявленный выбор был отменен, и для отпевания назначили самый статусный собор города — кафедральный Никольский. Совершенно очевидно, что такая перемена к лучшему (Никольский собор почти вдвое обширнее Преображенского, имеет больше входов-выходов, деревянный пол), не могла совершиться без ведома, а то и прямого распоряжения митр. Никодима. Об этом свидетельствует и прот. Василий Бутыло (правда, не называя имя архиерея): «А в Никольском соборе отпевали, потому что Владыка разрешил» [Бутыло, 308]. Человек с гораздо более широким кругозором, чем работники «охранного» ведомства, митрополит не мог не понимать, что А. А. Ахматова относится к культурной элите мирового уровня и к ее похоронам будет привлечено внимание цивилизованного мира. Поэтому всякие инциденты, в том числе давку в храме, желательно исключить — имидж СССР от этого только выиграет. Назначение к отпеванию настоятеля собора прот. Александра Медведского (вместо очередного требного священника) также следует связать с волей митр. Никодима. Более заслуженного священника в Ленинграде на 1966 г. не имелось ⁸.

Документы советской тайной полиции и связанных с нею структур (в том числе аппарата уполномоченного Совета по делам религий) остаются недоступными, а церковное делопроиз-

7. Чуковские с 1919 по 1938 г. жили в Манежном пер., д. 6 — окно кабинета выходило на собор.

8. В примечании к опубликованному в 1966 г. в парижском «Вестнике РСХД» письму очевидца от-

певания А. А. Ахматовой прот. Александр Медведский подчеркнут как «славящийся в России своим проповедническим даром»; при этом он ошибочно назван Алексием [Выдержки, 51].

водство в условиях «отделенности» Церкви от советского государства не имело права отражать какие-либо реалии церковной жизни. Поэтому пока приходится ограничиться общими сведениями о соборных служителях — участниках отпевания А. А. Ахматовой, кафедральном протоиерее Александре Медведском и диаконе Петре Колосове.

Но прежде обратимся к тем ахматовским строкам, в которых угадывается храм, где над их автором был совершен «трогательный чин — ему же все должны». Золотоглавый собор в стиле Елизаветинского барокко, Никола Морской, как его зовут в народе, со стоящей отдельно колокольной, является одним из главных архитектурных символов города на Неве. Поскольку в нем не прерывалось богослужение, он сохранил и внутреннее убранство. Интерьер трехпрестольного нижнего храма по-домашнему уютен. Как и Фонтанный дом, в одном из флигелей которого долго жила Анна Андреевна, собор проектировал С. И. Чевакинский. Колокольня Никольского собора, отражающаяся в водах закованного в гранит Крюкова канала, узнается в стихотворении Ахматовой «Ленинград в марте 1941», написанном ею ровно за 25 лет до кончины:

О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!

25-летняя Ахматова писала:

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты — столица
Для безумных и светлых нас...
(1916)

Уникальной особенностью «Никола Морского» является его «девятибалконность» (по три балкона на каждом фасаде, кроме восточного). Выход на них всегда закрыт, но раз в год, на Пасху, двери среднего из каждой тройки соборных балконов распахивались. Из верхнего храма на балкон выходил митрополит и на три стороны света с высоты второго этажа возглашал «Христос Воскресе!» тысячам людей, стоявшим в ограде собора, — тем, кого

не мог вместить переполненный храм и кто молился под открытым небом (на моей памяти это бывало в 1970-е гг., а возможно, случалось и раньше). Появление на балконе митр. Никодима, совершавшего богослужения с выверенной до мелочей красотой и назидательностью, производило незабываемое впечатление. Прообразом этой картины была встреча апостолов с воскресшим Христом, явившимся к ним «дверем затворенным»^{*1}.

*1 Ин 20:19

Особое место в летописи Николо-Богоявленского собора занимают годы Великой Отечественной войны и, прежде всего период ленинградской блокады. Собор стал кафедральным за 3 месяца до нападения гитлеровской Германии на СССР, тогда же в помещении на хорах его верхнего храма поселился митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). Для него эта Мировая война не была первой — август 1914 года он встретил уже епископом. Митрополит остался со своей паствой, а собор, в котором он жил, сделался духовным оплотом обороны осажденного города. В нем шла ежедневная служба, и верующий народ знал, что владыка каждый вечер творит молебен «о граде нашем» перед чудотворной иконой «победе тезоименитого» святителя Николая в нижнем храме собора [*Алексий*, 117]. Митрополит Алексий нередко служил в кафедральном соборе простым иерейским чином, здесь он проповедовал и писал послания, укрепляя «уверенность в непобедимой помощи Божией» [*Алексий*, 26]. Некоторые их строки перекликаются со стихами А. А. Ахматовой военных лет. После освобождения города от блокады, 20 января 1944 г. (по церковному календарю эта была «Неделя по Просвещению», первое воскресенье после праздника Богоявления⁹ — престольного праздника верхнего храма Николо-Морского собора), митрополит с давно не виданной торжественностью совершил в нем общегородской благодарственный молебен. Неделю спустя «возвращенный из смертной бездны Ленинград» салютовал себе. Митрополичий молебен и ахматовское четверостишие глубже всего отразили эту «победную весть, весть о радости нашей» [*Алексий*, 31].

В третьей четверти XX века, при шести митрополитах, настоятелем кафедрального собора Ленинграда 19 лет оставался митро-

9. В 1944 г. Неделя по Просвещению пришлась на следующий день после праздника Богоявления (Крещения Господня), отмечаемого 19/6 января.

форный протоиерей Александр Васильевич Медведский (1890–1973)¹⁰ [*Ранне, 20–21*] — «огромный, величественный, с густым басом», почти ровесник А. А. Ахматовой. Судя по фамилии, он ведет свой род из тех мест, где «Марфа правила и правил Аракчеев»: древний Медведский погост близ Новгорода стал одним из центров военных поселений. Известно, что его прадед и отец были священниками: прадед из среднего отделения Новгородской духовной семинарии в 1823 г. попал в хор Александро-Невской лавры; отец окончил С.-Петербургскую духовную семинарию в 1867 году. Александр Васильевич окончил ту же семинарию в 1911 году — в год, когда Анна Ахматова опубликовала первые стихи. В том же году он женился на Ольге Дмитриевне Ивановой — дочери «заведующего хозяйственной частью постройки церкви» в дачном поселке Ковшевка (с 1914 г. — Сусанино) Царскосельского уезда, на полпути между Павловском и Вырицей, и был рукоположен к ней во священника. Содержание штата причта, открытого при этой церкви 26 октября 1911 г., было обеспечено капиталом, который внесла ее строительница А. Г. Семенова [*Щедрая храмоздательница, 18*]: кандидат на такое завидное место не мог быть случайным. Закладку ковшевской Казанской церкви возглавил и в ее освящении 5 сентября 1910 г. участвовал настоятель царскосельского Екатерининского собора митрофорный протоиерей Афанасий Беляев. Он же с диаконом Порфирием Рудаковым совершил крещение Льва Гумилева¹¹.

Самостоятельный приход при Казанской церкви в Ковшевке был учрежден 28 сентября 1912 г. — через 10 дней после рождения будущего создателя пассионарной теории этногенеза. Зимой он был немногочисленным, но в летний (дачный) период число жителей поселка возрастало в несколько раз. Летом 1918 г. о. Александр Медведский был награжден камилавкой — в исключительно торжественной обстановке. Награду возложил митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), прибывший в Сусанино вечером 21/8 июля. «В сознании великой чести, оказываемой поселку, весь православный люд от мала до велика вышел навстречу Архипастырю» [*В Ковшовке*]. Отец Александр возглавлял Су-

10. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 187, 188.

11. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2681. Л. 582

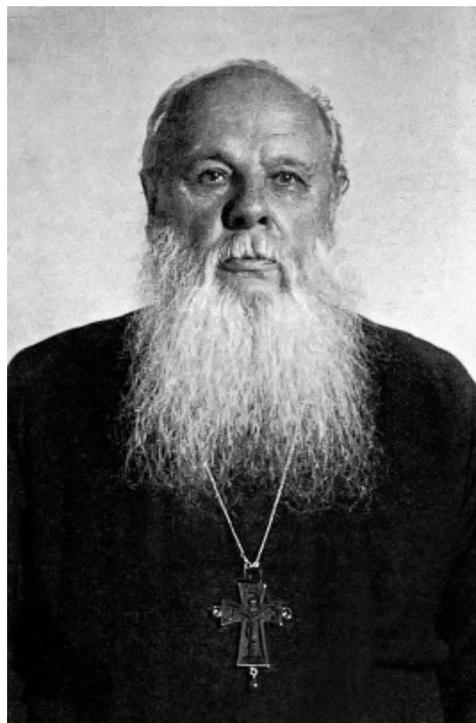
об.-583. Благодарю А. А. Бовкало за предоставленное сообщение. Протоиерей Афанасий Беляев скончался 21 августа 1921 г., за 5 дней до расстрела Н. С. Гумилева.

санинский приход до 1920 г., когда был перемещен в Петроград, настоятелем Преображенского храма вблизи Новодевичьего монастыря (закрыт и снесен в 1932 г.). Вскоре он получил общегородскую известность как проповедник, и, по свидетельству очевидца, «лишь он один в официальной церкви мог соперничать с прославленными обновленческими златоустами» [Краснов-Левитин, 208]. Через 10 лет, уже в сане протоиерея, о. Александр Медведский становится настоятелем Князь-Владимирского собора. Там ему не довелось прослужить и двух лет: 5-летие «легализации» Московской патриархии власти Ленинграда ознаменовали массовыми арестами монашества. В числе слегка «разбавившего» их ряды белого духовенства оказался о. Александр (возможно, поводом к его аресту послужил тот факт, что в 1920-х гг. он часто проповедовал в храмах Новодевичьего монастыря). Проведя около 3 лет в Свирьлаге, следующие 11 лет он коротал в ссылке в Боровичах. Там он в 1935 г. вернулся было к «служению культу» и даже пережил Большой террор, но с 1 января 1939 г. вынужден был переквалифицироваться в бухгалтера утильзаготартелю. В декабре 1943 г., вскоре после исторической встречи Сталина с тремя митрополитами, он направил одному из ее участников — Ленинградскому митрополиту Алексию (Симанскому), будущему патриарху Алексию I, заявление о желании «окончить дни моей жизни в служении Св<ятой> церкви»¹². Назначения пришлось ждать больше года — советская власть демонстративно не спешила с открытием в г. Боровичи храма, несмотря на наличие священника.

7 сентября 1945 г. Ленинградскую и Новгородскую кафедру занял митр. Григорий (Чуков), с лета 1944 г. временно управлявший этими епархиями в сане архиепископа Псковского и Порховского. Во 2-й половине 1940-х митр. Григорий делал все возможное, чтобы уцелевшие ленинградские священники из числа высланных вернулись в город на Неве. 30 апреля 1946 г. о. Александр Медведский получил назначение в Князь-Владимирский собор, из которого был «взят» 14 годами ранее. Как и А. А. Ахматова, о. Александр мог сказать о себе, что он был

...С моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.
(Реквием. 1961)

12. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 26 (3). Д. 3. Л. 65.

Слева: настоятель собора митрофорный протоиерей Александр Медведский.
Справа: диакон собора Петр Колосов.

Позднее, на рубеже 1940-х — 1950-х гг., о. Александр служил настоятелем Князь-Владимирского собора. В ходе осуществленного им ремонта интерьер был дополнен двумя мемориальными киотами для чудотворных икон Божией Матери — Казанской и «Скоропослушницы». Они должны были напоминать о нескончаемых молитвах верующих у этих икон об избавлении города от тисков блокады. К этому времени (1949 г.) относится характеристика прот. Александра Медведского: «Священник образованный, начитанный. Богослужение совершает внимательно, благоговейно. Проповедник очень хороший. Говорит с воодушевлением, содержательно, сердечно. <...> В личной жизни безупречен»¹³.

За 10 дней до смерти Сталина о. Александра перевели настоятелем Николо-Богоявленского кафедрального собора, где он и служил до выхода за штат по болезни в 1972 г. Заслуги прот. Александра Медведского отмечены исключительными для того времени церковными наградами: в июле 1961 г., в связи с 50-летием священства, он был награжден Патриаршим

¹³ АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 187. Л. 8.

крестом; в сентябре 1965 г., в связи с 75-летием — орденом св. Владимира II ст.

Диакон (с 1975 г. — протодиакон) Петр Кузьмич Колосов (1926–1989)¹⁴, в отличие от протоиерея Бутыло, воспитывался в условиях «советской действительности», в приграничном с Латвией районе Ленинградской (с 1935 г. — Калининской) области. В 1941 г. окончил 7 классов школы в с. Велье Пушкиногорского р-на и весь период оккупации — с 7 июля 1941 по 17 июля 1944 г., — как он писал в автобиографии, «занимался домашним хозяйством». В конце августа 1941 г. в Велье прибыл священник-миссионер Владимир Толстоухов, выпускник Свято-Сергиевского богословского института в Париже, и возобновил богослужения в простоявшей несколько предвоенных лет «без пения» местной Крестовоздвиженской церкви (26 марта 1943 переведен в г. Дно) [Обозный, 49–50]. Один из самых ярких представителей псковской духовной миссии, выдающийся проповедник, педагог и воспитатель, он и уловил юного Петра в «мрежу Христову». П. Колосов пел и читал на клиросе, а после освобождения родных мест был мобилизован в Красную армию. Быстро отвоевав, он уже в 1946 г., при открытии в Ленинграде семинарии, поступил в нее. В 1954 г., по окончании Ленинградской духовной академии, зачислен псаломщиком в Никольский собор, где и прослужил 35 лет, до кончины. 6 декабря 1958 рукоположен целибатом (без вступления в брак) во диакона. В 1963 г. награжден двойным орарем, в 1975 — саном протодиакона, в 1978 — камилавкой, в 1986 — орденом св. Владимира III ст. Протоиерей Александр Медведский в 1959 г. дал ему такую характеристику: «обладает хорошим голосом, к службе относится с усердием, любит церковное дело, в частной жизни безупречен»¹⁵.

К 100-летию со дня рождения А. А. Ахматовой, до которого о. Петр не дожил 2 месяца, журнал «Аврора» опубликовал несколько строк его воспоминаний о 10 марта 1966 г.:

Я живу совсем рядом с собором, всегда хожу туда пешком. Когда в тот день подходил к собору, смотрю — вокруг большое скопление машин и автобусов, даже с киностудии приехали. Вообще-то без специального разрешения

14. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 135; Вечная память почившим [Колосов П. К., протодиакон, Ленинград] : [Некролог] // ЖМП. 1990. № 6. С. 38.

15. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 135. Л. 29.

в храме снимать нельзя, но распорядитель церемонии отец Василий [Бутыло. — А. Г.] сказал, чтобы мы не обращали внимания. <...> Как раз в тот день нам принесли новые белые ризы, очень торжественные и красивые. Такое вот получилось совпадение... [*К столетию*, 8].

В марте 1976 г. о. Петр Колосов рассказал мне, что уполномоченный Совета по делам религий Г. С. Жаринов запретил отпевать Анну Андреевну «соборне» (т. е. с участием нескольких священников), с большим хором и зажженными люстрами. Два последних запрета, так наглядно демонстрирующих мелочность и злобность советских «блюстителей свободы совести», «церковники» проигнорировали, и маститый протоиерей Александр Медведский получил «нагоняй» от уполномоченного. Не исполнить первый запрет было невозможно — уполномоченные вели регистрацию служителей культа, имея право налагать на любого из них запрет на профессию, т. е. снимать с регистрации (без справки о регистрации никакой архиерейский указ о назначении не имел силы). Протоиерей Василий Бутыло, очевидно, до конца дней испытывал досаду от того, что его не допустили до участия в надгробном пении в Никольском соборе:

Позвонил кто-то из КГБ: не дать отцу Василию облачения, снять с него облачение. <...> Вот так меня и разоблачили. <...> ...Я остался с крестом в рясе и командовал отпеванием [*Бутыло*, 308].

Роль прот. Василия Бутыло в проводах А. А. Ахматовой была важной, но заключалась в другом. Зная церковную жизнь изнутри, он «командовал отпеванием» в широком масштабе, как координатор «параллельной похоронной комиссии». Он не побоялся поехать на кладбище в Комарово, чтобы предать гроб земле, и потом еще на даче (в «будке») отслужил панихиду. На 9-й день (т. е. в воскресенье 13 марта) Л. Н. Гумилев приехал к о. Василию в гатчинский собор «маму помянуть. <...> ...Мы и помянули новопреставленную Анну и убиенного Николая» [*Бутыло*, 309].

Митрополит Никодим в тот день (Крестопоклонное воскресенье) служил литургию в Екатерининской церкви пос. Динамо Пушкинского района Ленинграда — единственном действовавшем тогда храме на весь г. Пушкин (бывш. Царское Село) и его окрестности [*Ленинградская епархия*, 22]. Было ли это своего рода данью памяти «царскосельской веселой грешнице», или нет, судить не берусь — но факт есть факт.

Присутствовавшие 10 марта 1966 г. в Никольском соборе отмечали, что их объединяло «состояние соборности» [*Копылов, Позднякова, 18*]. Что касается духовенства, то, несмотря на запрет «соборного служения», в церковном прощании с А. А. Ахматовой приняли участие представители всех основных групп, составлявших клир Русской православной церкви к началу третьего послевоенного десятилетия. Протоиерей Александр Медведский олицетворял испытанное судьбой и доживающее свой век потомственное духовное сословие. Василий Бутыло и Петр Колосов принадлежали к молодому поколению, часть которого родилась и воспитывалась за границами «страны воинствующего безбожия», а часть пришла к вере в военные годы на оккупированных территориях, где ничто не препятствовало религиозному возрождению.

Источники и литература

1. *Алексий* = Алексей [(Симанский)], патр. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. М. : Изд-во Московск. патриархии, 1948. 248 с.
2. *Бутыло* = Бутыло Василий, свящ. Мои встречи с Л. Н. Гумилевым // «Живя в чужих словах...» : Воспоминания о Л. Н. Гумилеве. 2-е изд., доп. СПб. : Росток, 2006. С. 307–309.
3. *В Ковшовке* = В Ковшовке // Петроградский церковный вестник. 1918. № 20. С. 3.
4. *Выдержки* = Выдержки из писем о похоронах Анны Ахматовой // Вестник РСХД. 1966. № 80. С. 49–52.
5. *Жаринов* = Жаринов Г. С. Справка-характеристика на митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима [1967 г.] // Митрополит Никодим (Ротов) — православный богослов в эпоху социализма : К 80-летию со дня рождения : Из богословского наследия митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима за 1956–1967 гг. / [Сост. прот. Владимир Сорокин]. СПб. : Князь-Владимир. собор, 2009. С. 213–214.
6. *Иванов* = Иванов М. Доцент Николай Николаевич Ричко : [Некролог] // ЖМП. 1972. № 7. С. 30–32.
7. *К столетию* = К столетию со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой // Аврора. 1989. № 6. С. 6–8.
8. *Кирилл (Гундяев)* = Кирилл (Гундяев), митр. [Воспоминания] // Ювеналий (Поярков), митр. Человек Церкви : К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха

- Западной Европы (1929–1978). [М.] : Изд-е Московск. епархии, 1998. С. 255–277.
9. *Копылов, Позднякова* = Копылов Л. Ю., Позднякова Т. С. Послесловие: Мартовские дни 1966 года. СПб. : Невский Диалект, 2006. 48 с.
 10. *Краснов-Левитин* = Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы, 1925–1941 : Воспоминания. Париж : YMCA-Press, 1977. 457 с.
 11. *Ленинградская епархия* = Из жизни епархий: Ленинградская епархия // ЖМП. 1966. № 9. С. 22–24.
 12. *Митрополит Никодим* = Митрополит Никодим и Всеправославное единство : К 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) / Сост. проф.-прот. В. Сорокин. СПб. : Князь-Владимирский собор, 2008. 272 с.
 13. *Обозный* = Обозный К. П. Духовенство Псковской миссии : (Штрихи к биографиям) // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 46–51.
 14. *Оксман* = Оксман Ю. Г. На похоронах Корнея Чуковского // Ю. Г. Оксман — К. И. Чуковский : Переписка. М. : Языки славян. культуры, 2001. С. 141–146.
 15. *Ранне* = Ранне Игорь, прот. Протоиерей Александр Медведский : [Некролог] // ЖМП. 1974. № 5. С. 20–21.
 16. *Филарет* = Филарет [(Денисенко)], еп. Пребывание в Москве делегации Константинопольской Церкви // ЖМП. 1966. № 5. С. 12–17.
 17. *Чуковская* = Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой : [В 3 т]. М. : Время, 2007. Т. 3 : 1963–1966. 636, [1] с., [8] л. портр., факс.
 18. *Щедрая храмоздательница* = Щедрая храмоздательница // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1909. № 24. С. 17–18.

Список сокращений

АСПБЕ	Архив Санкт-Петербургской епархии
ЖМП	Журнал московской патриархии

ON THE 40TH ANNIVERSARY OF THE PASSING
OF METROPOLITAN NIKODIM (ROTOV)

A. K. Galkin

A. A. Akhmatova's Funeral within the church life of the 1960s in Leningrad

The funeral service for A.A. Akhmatova was organised in Leningrad by her son L.N. Gumilev with the help of Priest Vasily Butylo. Initially, it was planned to hold the funeral ceremony at the Transfiguration Cathedral. However, after L.N. Gumilev and Fr. Vasily had visited Vicar Bishop of Tikhvin Philaret (Vakhromeyev) St. Nicholas Cathedral of the Epiphany was chosen. The service was officiated by Archpriest Alexander Medvedsky, the only clergyman of the city awarded with the Patriarch's Cross, together with Deacon Pyotr Kolosov. G.S. Zharinov, Leningrad Plenipotentiary on Religious Affairs, forbid to let more than one priest and a big church choir take part in the service as well as to light up large chandeliers. The two last prohibitions were ignored. The involvement of Metropolitan Nikodim (Rotov) of Leningrad and Ladoga in realization of the most worthy funeral ceremony is discussed in the article.

KEYWORDS: A. A. Akhmatova, L. N. Gumilev, Leningrad, St. Nicholas Cathedral of the Epiphany, Bishop Philaret (Vakhromeyev), Metropolitan Nikodim (Rotov).